

Абрамов Р.Н., Девятко И.Ф., Кожанов А.А.

ОБЫДЕННОЕ ЗНАНИЕ О ДИСТРИБУТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: МЕТОДИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРАВНИМОСТИ ВНУТРИСУБЪЕКТНЫХ И МЕЖСУБЪЕКТНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПЛАНОВ¹

Теоретической рамкой данной работы является «когнитивистская» контекстная модель нормативного обыденного знания о дистрибутивной справедливости, т. е. знания людей-с-улицы о том, как правильно и справедливо распределять блага (или издержки). Наше исходное предположение состоит в том, что «обращение к микро-, мезо- и макроуровням анализа восприятия справедливости позволяет уловить историко-эволюционную укоренённость принципов справедливости в соответствующих различным уровням социальной организации институциональных контекстах, в которых могли исходно сформироваться убедительные доводы и обоснования справедливости».

Особого внимания заслуживают те специфические историко-эволюционные и институциональные контексты, в которых упомянутые сильные доводы и обоснования справедливости были исходно «открыты» и реализованы в социальной практике. В частности, предварительно нами были выделены следующие типы контекстов социального взаимодействия, последовательно возникающие на разных этапах развития сложных обществ [см.: 1]:

— Микро: малые группы (включая семью и родственные группы). Предполагают преимущественно эгалитарное распределение материальных благ и, в некоторых случаях, основанное на эффективности распределение ресурсов. Неравенство в распределении благ допустимо, носит компенсаторный характер, пропорционально степени близости/родства.

— Мезо: первичные группы, небольшие организации и коллективные действия. Здесь сильные доводы, определяющие восприятие справедливости и честности, могут быть формализованы с помощью принципов реципрокации и дистрибутивной справедливости для рас-

¹ Исследование осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований ГУ ВШЭ (2009–2010 гг.).

пределения совокупного дохода и прямых обменов в масштабах группы (Дж.К. Хоманс). Для распределения ресурсов сохраняется роль принципа общественной эффективности.

— Макро-1: большие группы, сети обобщённого обмена (в том числе возникающие при односторонней передаче ресурсов, благ в рамках бескорыстной помощи, благотворительности) создают контексты распределения, которые регулируются рефлексивными нормативными принципами, основанными на оценке репутации.

— Макро-2: социетальный уровень. Анализ накопленных данных о восприятии справедливости аллокации прав собственности на макроуровне (социетальном) показывает некоторые объяснительные преимущества принципа правового основания для владения (Р. Нозик). Распределение общих ресурсов для производства общественных благ преимущественно ориентировано на эффективность.

Таким образом, основная задача эмпирического исследования нормативного обыденного знания о справедливости заключается, с нашей точки зрения, в том, чтобы связать когнитивные процессы, используемые при оценке справедливости решений, с определёнными типами социальных контекстов, исторически возникавших по мере увеличения размера и сложности человеческих сообществ (см. подробнее, в частности: [2]). Для иллюстрации возможностей описанного подхода к объяснению различий в предпочитаемых наивными респондентами решениях для формально идентичных «задач на справедливое распределение», которые были описаны ранее в исследовании М. Яари и М. Бар-Хиллель [см.: 3], и уточнения методических возможностей использования вербальных маркеров для задания контекста социального взаимодействия нами был осуществлён пилотный эксперимент, описанный в следующем разделе статьи.

ОБЫДЕННОЕ ЗНАНИЕ О ДИСТРИБУТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ЭКСПЕРИМЕНТ 1

В целях проверки возможностей экспериментального манипулирования признаками микро-, мезо- и макроконтекста в виньетках с эквивалентными численными решениями, использовавшимися ранее в исследовании факторов субъективного восприятия дистрибутивной справедливости, проведённом М. Яари и М. Бар-Хиллель [см.: 3], а также для уточнения перспектив использования различных факторных

экспериментальных планов в таких исследованиях мы осуществили пилотный методический эксперимент.

В работе Яари и Бар-Хиллель данные собирались преимущественно в ходе проведения вступительных экзаменов в университет в течение трёх последовательных лет. Абитуриенты (всего 163 человека) в качестве завершающего экзамен задания получали одну из виньеток, описывавших некую проблему распределения с точки зрения индивидуальных характеристик участников дележа. В качестве индивидуальных характеристик потенциальных реципиентов, на которых можно было основываться при вынесении суждения о справедливом разделе, фигурировали потребности, вкусы или убеждения (верования) вымышленных реципиентов. К каждой из задач прилагался идентичный набор решений, предлагавшихся различными распределительными механизмами на основании индивидуальных функций полезности, с точки зрения которых все задачи были формально идентичны (см. подробнее о понятии «механизма распределения» и методике исследования Яари и Бар-Хиллель: [1; 3]).

К числу методических особенностей данного эксперимента следует отнести, помимо остроумного использования задач, для которых известные механизмы распределения дают идентичные решения (к которым добавлялось в качестве возможной альтернативы ответа решение в виде простого деления пополам), характер ожидаемой мотивации участников. Как отмечали авторы, «разумно предположить, что многие из наших невольных испытуемых рассматривали последний вопрос как часть всего экзамена, хотя стилистически и физически эта часть отличалась от остального экзаменационного вопросника (состоявшего из субтестов, измерявших знания или способности). Этот контекст даёт нам все основания полагать, что испытуемые искали ответ на вопрос, находясь во внимательном и мотивированном расположении духа. С другой стороны, контекст стимулировал установку на решение задач, а не установку на субъективную моральную рефлексию» [3, с. 23].

Ещё одна важная методическая особенность описываемого исследования — использование интерсубъектного (межгруппового) плана. Очевидное достоинство этого плана заключается в снижении таких угроз валидности экспериментального вывода, как «перенос» ответов между условиями, влияние установки на ответ, а также индивидуальных особенностей испытуемых. Используемый Яари и Бар-Хиллель экспериментальный план не позволял сделать вывод о том, какая доля изменчивости в предпочтении тех или иных ва-

риантов раздела плодов в задаче была связана не с контролировавшимися в эксперименте особенностями задания индивидуальных функций полезности (через вкусы, потребности или убеждения реципиентов), а с не учитывавшимися особенностями самих участников, осуществлявших выбор конкретного решения для каждой из задач (напомним, каждая подгруппа опрошенных решала лишь одну задачу). Одним из важных методических результатов, полученных в данном исследовании, была относительная независимость результатов от того, как определялась позиция самого испытуемого по отношению к задаче дележа: часть респондентов просили указать, как они разделили бы партию плодов (с учётом невозможности любых сделок после дележа), тогда как остальным предлагалось оценить, как решат эту задачу гипотетические реципиенты, исходя из того, что они в равной мере привержены идее справедливого дележа. Различия в распределении ответов оказались пренебрежимо малы, так что результаты ответа на два варианта каждой из задач были объединены при анализе.

Задачи нашего пилотного эксперимента включали в себя: 1) уточнение возможностей использования вербальных маркеров уровня протекания социального взаимодействия (мы ограничились микро- и макроуровнями социальной организации) и 2) определение возможных преимуществ и недостатков использования интраиндивидуального (внутрисубъектного) экспериментального плана, предполагающего предъявление каждому испытуемому более одного уровня экспериментальных переменных-факторов (в нашем случае более одного задания).

Для целей пилотного эксперимента мы не стали использовать полный факторный план, в котором наряду с варьированием фактора «способ задания индивидуальной функции полезности в виньетке-задаче» (потребности, вкусы, убеждения), систематически изменялись бы все возможные уровни микро-, мезо- и макро-контекстов взаимодействия. Мы ограничились задачами, в которых полезности для потенциальных реципиентов определялись потребностями или вкусами, используя, наряду с двумя исходными задачами Яри и Бар-Хиллель, аналогичные виньетки, в которые были добавлены «сильные» маркеры микросоциального (семейного) или макросоциального (в том числе обобщённого группового) контекстов взаимодействия (рис. 1). Общее количество возможных комбинаций уровней факторов в нашем методическом эксперименте было ограничено установленным нами верхним пределом числа задач, предъявлявшихся каждому из участников (четыре задачи).

Увеличение числа заданий вело к росту угрозы валидности выводов, связанных с возможностью «переноса» ответов между последовательными заданиями.

Участники и процедура

Участниками эксперимента стали 100 студентов факультета социологии ГУ ВШЭ. Примерно две трети из них были первокурсниками, остальные — студентами старших курсов и аспирантами (исследование проводилось осенью 2009 г.). Поскольку значимых различий между подгруппами в предпочитаемых решениях выявлено не было (возможно, в силу сравнительно небольшого размера выборки), в дальнейшем мы рассматриваем данные в совокупности.

Процедура. Наши участники получали по 5 минут на решение каждой задачи, как и в исследовании наших предшественников, однако суммарное время составляло около 20 минут. Инструкция: «Перед Вами четыре задачи, описывающие различные житейские ситуации раздела благ. Мы просим Вас выбрать то единственное решение каждой из предложенных задач, которое лично Вы считаете справедливым». Экспериментаторы пытались контролировать индивидуальный характер решения задач, однако в ситуации эксперимента, проводимого в формате аудиторного опроса, эти попытки не всегда были эффективны².

Экспериментальный план: неполный факторный с позиционным уравниванием. В использованных виньетках варьировались следующие факторы:

Вариант 1: 51 человек — 1, 2, 3, 4 (в квазислучайном порядке),

Вариант 2: 49 человек — 1, 3, 5, 6 (в квазислучайном порядке).

² В целом полевые условия проведения опроса соответствовали планируемым параметрам, а поэтому полученные данные могут быть использованы для анализа. В то же время при реализации полевого этапа наблюдались некоторые отклонения от исходных параметров. Прежде всего, не всегда имелись возможности полностью соблюсти условие проведения опроса в малых группах. Поскольку опрос проводился в студенческой аудитории, то размеры опрашиваемых групп варьировались: от 5–25 человек до потока в 70 человек. При этом в студенческих аудиториях рабочие места находятся довольно близко друг к другу, что не позволяет исключить эффект группового давления. Реально в ходе проведения опроса данный эффект проявлялся слабо — респонденты практически не обменивались информацией друг с другом, поскольку это было исходным требованием участия в опросе, а каждый из соседей по парте имел свой вариант задач и свою последовательность их предъявления. Тем не менее, определённую угрозу для валидности исследования этот фактор представлял.

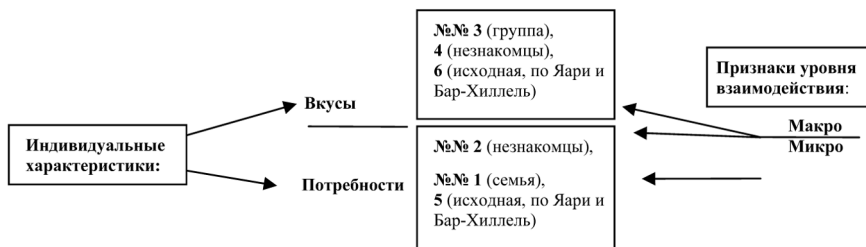

Рис. 1. План эксперимента и схема предъявления виньеток

Материалы

Нами использовались следующие виньетки:

Виньетка 1

В наличии имеются 12 грейпфрутов и 12 авокадо, которые следует распределить между братьями — Александром и Павлом. При этом известно, в том числе Александру и Павлу, что, по мнению врачей, метаболизм Александра позволяет ему получать 100 мг витамина F из каждого съеденного грейпфрута и нулевое количество этого витамина из авокадо, а метаболизм Павла — по 50 мг витамина F из каждого съеденного грейпфрута и из каждого авокадо. И тот и другой заинтересованы в потреблении и грейпфрутов, и авокадо лишь постольку, поскольку они являются источником витамина F, и чем в большем количестве, тем лучше. Все другие свойства этих плодов (такие как вкус, содержание калорий и т. п.) не имеют для них значения. Никакие сделки после раздела партии плодов невозможны. Как следует разделить плоды между Александром и Павлом, если делёж должен быть справедливым?

Виньетка 2

В наличии имеются 12 грейпфрутов и 12 авокадо, которые следует распределить между прежде незнакомыми Ивановым и Петровым. При этом всем участникам раздела известно, что, по мнению врачей, метаболизм Иванова позволяет ему получать 100 мг витамина F из каждого съеденного грейпфрута и нулевое количество этого витамина из авокадо, а метаболизм Петрова — по 50 мг витамина F из каждого съеденного грейпфрута и из каждого авокадо. И тот и другой заинтересованы в потреблении и грейпфрутов, и авокадо лишь постольку, поскольку они являются источником витамина F, и чем в большем

количестве, тем лучше. Все другие свойства этих плодов (такие как вкус, содержание калорий и т. п.) не имеют для них значения. Никакие сделки после раздела партии плодов невозможны. Как следует разделить плоды между Ивановым и Петровым, если делёж должен быть справедливым?

Виньетка 3

В распоряжении профкома имеются 12 грейпфрутов и 12 авокадо, которые следует распределить между двумя сотрудниками Александром и Павлом. Дана следующая информация, известная также последним: Александр очень любит грейпфруты и обычно готов покупать их в любом количестве при цене, не превосходящей \$ 1.00 за штуку. Он не любит авокадо и поэтому никогда не покупает их. Павел в равной мере любит грейпфруты и авокадо и готов покупать и грейпфруты, и авокадо в любом количестве при условии, что цена не превосходит \$ 0,5 за штуку. Александр и Павел имеют одинаковый уровень доходов. Никакие сделки после раздела партии плодов невозможны. Как следует разделить плоды между Александром и Павлом, если делёж должен быть справедливым?

Виньетка 4

В распоряжении устроителей лотереи имеются 12 грейпфрутов и 12 авокадо, которые следует распределить между двумя случайно выбравшими участниками — Александром и Павлом. Дана следующая информация, известная также последним: Александр очень любит грейпфруты и обычно готов покупать их в любом количестве при цене, не превосходящей \$ 1.00 за штуку. Он не любит авокадо и поэтому никогда не покупает их. Павел в равной мере любит грейпфруты и авокадо и готов покупать и грейпфруты, и авокадо в любом количестве при условии, что цена не превосходит \$ 0,5 за штуку. Александр и Павел имеют одинаковый уровень доходов. Никакие сделки после раздела партии плодов невозможны. Как следует разделить плоды между Александром и Павлом, если делёж должен быть справедливым?

Виньетка 5

В партии содержится 12 грейпфрутов и 12 авокадо, которые следует распределить между Александром и Павлом. При этом известно, в том числе Александру и Павлу, что, по мнению врачей, метаболизм Александра позволяет ему получать 100 мг витамина F из каждого съеденного грейпфрута и нулевое количество этого витамина из авокадо, а метаболизм Павла — по 50 мг витамина F из каждого съеденного

грейпфрута и из каждого авокадо. И тот и другой заинтересованы в потреблении и грейпфрутов, и авокадо лишь постольку, поскольку они являются источником витамина F, и чем в большем количестве, тем лучше. Все другие свойства этих плодов (такие как вкус, содержание калорий и т. п.) не имеют для них значения. Никакие сделки после раздела партии плодов невозможны. Как следует разделить плоды между Александром и Павлом, если делёж должен быть справедливым?

Виньетка 6

В партии содержится 12 грейпфрутов и 12 авокадо, которые следует распределить между Александром и Павлом. Дана следующая информация, известная также последним: Александр очень любит грейпфруты и готов покупать их в любом количестве при цене, не превосходящей \$ 1.00 за штуку. Он не любит авокадо и поэтому никогда не покупает их. Павел в равной мере любит грейпфруты и авокадо и готов покупать и грейпфруты, и авокадо в любом количестве при условии, что цена не превосходит \$ 0,5 за штуку. Александр и Павел имеют одинаковый уровень доходов. Никакие сделки после раздела партии плодов невозможны. Как следует разделить плоды между Александром и Павлом, если делёж должен быть справедливым?

Варианты ответа:

«Выберите и обведите кружком номер того варианта решения задачи, который Вы считаете самым справедливым:

- 1) Александр: 6 грейпфрутов — 6 авокадо, Павел: 6 грейпфрутов — 6 авокадо;
- 2) Александр: 12 грейпфрутов — 0 авокадо, Павел: 0 грейпфрутов — 12 авокадо;
- 3) Александр: 8 грейпфрутов — 0 авокадо, Павел: 4 грейпфрута — 12 авокадо;
- 4) Александр: 9 грейпфрутов — 0 авокадо, Павел: 3 грейпфрута — 12 авокадо;
- 5) Александр: 6 грейпфрутов — 0 авокадо, Павел: 6 грейпфрутов — 12 авокадо»³.

³ Первому варианту ответа соответствовало эгалитаристское решение («всё пополам»). Остальные, последовательно, предлагались следующими механизмами распределения, реализующими разные критерии справедливого дележа: 2) утилитаризм, 3) максимин, 4) торг (аукцион) с исходно равным делением и равновесием по Нэшу или в модификации Райфы–Калаи–Смординского; 5) торг на Парето-оптимальном в сильном смысле множестве решений.

Результаты и обсуждение

Виньетки 5 и 6 использовали дословные исходные формулировки задач из исследования Яари и Бар-Хиллель (изменены были лишь имена вымышленных реципиентов). В нашем пилотном методическом эксперименте были получены данные, существенно отличающиеся от данных наших предшественников с точки зрения процентных долей респондентов, выбравших конкретный ответ и лишь частично сохраняющие выявленный паттерн коллективных предпочтений. В частности, в случае виньетки 5 (задача о потребностях, неявные признаки микроуровня социального взаимодействия), для максимина, бывшего наиболее популярным решением этой задачи в исходном исследовании (вариант ответа: 8–0; 4–12), доля выбравших его составляла 82 % [3, с. 10, 13], тогда как в нашем случае — 59,2 % (табл. 1). Значительно более популярным (16,3 %) в нашей выборке было «эгалитаристское» решение (деление всего набора поровну, т. е. 6–6; 6–6), не поддерживаемое ни одним из распределительных механизмов и не очень популярное среди участников предшествующего эксперимента (8 % ответов). В случае виньетки 6 (задача о вкусах, слабые признаки макроуровня взаимодействия) максимин оказался более популярным, а утилитаристское решение (12–0; 0–12) — несколько менее популярным, чем в исследовании Яари и Бар-Хиллель (табл. 2).

Таблица 1. **Виньетка 5, распределение ответов**

	Абсолютная частота	%
1-й ответ	8	16,3
2-й ответ	3	6,1
3-й ответ	29	59,2
4-й ответ	5	10,2
5-й ответ	4	8,2
Всего	49	100,0

Таблица 2. **Виньетка 6, распределение ответов**

	Абсолютная частота	%
1-й ответ	5	10,2
2-й ответ	12	24,5
3-й ответ	23	46,9
4-й ответ	7	14,3
5-й ответ	2	4,1
Всего	49	100,0

Эти расхождения, возможно, требуют содержательной интерпретации с точки зрения межкультурных различий, однако такая интерпретация нуждается в дальнейшем исследовании, что отчасти было реализовано нами в Эксперименте 2 (см. далее).

С точки зрения методики эксперимента полученное расхождение между результатами может также получить альтернативную интерпретацию — как проявление эффекта «переноса»: хотя наши испытуемые получали все четыре задачи в разном порядке, однако одновременно. Поскольку суммарное время, отведённое на решение четырёх задач (примерно 20 минут), заведомо было достаточным для предварительного ознакомления со всеми условиями, мы, возможно, не сумели эффективно контролировать тенденцию к переносу решений между заданиями. Возможно также, что проведение эксперимента в формате группового опроса, несмотря на контроль времени заполнения, мешало нам проконтролировать эффекты группового давления, влияния мнений авторитетных лиц и т. п.⁴

Кроме того, в заданиях обоих вариантов (итого — 100 опрошенных) сравнивались виньетки 1 (потребности, явные признаки семейного контекста) и 3 (вкусы, явные признаки группового контекста).

Паттерн отношений между предпочитаемыми решениями для «задач о потребностях» и «задач о вкусах», выявленный в исследовании Яари и Бар-Хиллель, в целом сохраняется и при сравнении ответов на эти две задачи на справедливое распределение.

Включение в тексты заданий явных упоминаний о семейных отношениях между участниками не изменило существенно наблюдаемое распределение ответов для двух задач о потребностях — «усиленной» виньетки 1 (табл. 3) в сравнении с «исходной» виньеткой 5 (табл. 1)⁵.

Также мало повлияло на предпочитаемые решения задач о вкусах введение явных маркеров взаимодействия гипотетических реципиентов на уровне группы («В распоряжении профкома имеются 12 грейпфрутов и 12 авокадо, которые следует распределить между двумя сотрудниками — Александром и Павлом»): распределение ответов для

⁴ О возможности таких смещений свидетельствовали и данные нескольких устных интервью, проведённых после выполнения заданий.

⁵ Соответствующие различия между распределениями ответов для этой пары виньеток, как и для следующей сравниваемой пары, не отличаются по критерию хи-квадрат, однако возможность строгой статистической проверки значимости в случае нашего пилотного эксперимента была ограничена в силу слишком малого количества наблюдений в отдельных ячейках таблицы сопряжённости.

Таблица 3. **Виньетка 1, распределение ответов**

	Абсолютная частота	%
1-й ответ	19	19,0
2-й ответ	6	6,0
3-й ответ	59	59,0
4-й ответ	8	8,0
5-й ответ	8	8,0
Всего	100	100,0

Таблица 4. **Виньетка 3, распределение ответов**

	Абсолютная частота	%
1-й ответ	6	6,0
2-й ответ	24	24,0
3-й ответ	44	44,0
4-й ответ	19	19,0
5-й ответ	7	7,0
Всего	100	100,0

модифицированной винюетки 3 (табл. 4) не очень отличается от распределения ответов для винюетки 6 (табл. 2). Можно предположить, что избранные нами формулировки лишь в небольшой мере усиливали признаки микро- и макроконтекстов взаимодействия, уже присутствовавшие в соответствующих исходных задачах [см.: 1, с. 19–23].

Рассмотрение различий в предпочитаемых вариантах решений внутри подгрупп, отвечавших на один из вариантов набора заданий, позволяет более чётко проследить эффекты различных формулировок признаков контекста взаимодействия в рамках одного типа задач. Так, в первом варианте ($N = 51$ участник), помимо рассматривавшейся выше винюетки 1, фигурировала ещё одна «задача о потребностях», где реципиентами выступали не гипотетические «братья Александр и Павел», а «прежде незнакомые Иванов и Петров» (винюетка 2). Явное указание на отсутствие предшествующего опыта альтруистического или взаимного обмена (реципрокации) отчётливо повлияло на уменьшение популярности максимина и увеличение популярности эгалитаристского решения⁶ (табл. 5 и 6).

⁶ Несмотря на очевидный характер различий, статистически валидный вывод в данном случае ограничен небольшим объёмом выборки, ведущим к незаполненности значительного числа ячеек в таблице сопряжённости.

Таблица 5. **Виньетка 1, распределение ответов в подгруппе для варианта 1**

	Абсолютная частота	%
1-й ответ	8	15,7
2-й ответ	3	5,9
3-й ответ	32	62,7
4-й ответ	5	9,8
5-й ответ	3	5,9
Всего	51	100,0

Таблица 6. **Виньетка 2, распределение ответов в подгруппе для варианта 1**

	Абсолютная частота	%
1-й ответ	12	23,5
2-й ответ	5	9,8
3-й ответ	26	51,0
4-й ответ	4	7,8
5-й ответ	4	7,8
Всего	51	100,0

Таким образом, манипулирование вербальными маркерами контекста взаимодействия может быть эффективным приёмом в изучении детерминант обыденного нормативного знания о дистрибутивной справедливости, однако сравнительная «семантическая эффективность» тех или иных маркеров контекста взаимодействия требует предварительного уточнения в эмпирическом исследовании.

Дополнительные свидетельства в поддержку этого вывода могут быть получены при сравнении результатов для двух «задач о вкусах», предъявлявшихся этой же подгруппе испытуемых. Винюетки 3 и 4 различаются лишь способом задания взаимодействия на макроуровне социальной организации: в первом случае речь идёт о «сотрудниках Александре и Павле», т. е. членах коллектива, а распределение осуществляет профком, во втором — о «случайно выигравших участниках лотереи» и её устроителях соответственно.

В первом случае модальным решением оказывается максимин, вторым по популярности — распределение, следующее утилитаристскому критерию максимизации суммарной полезности, за которым следует аукцион с исходно равным делением благ. «Выключение» признаков членства в группе и участия в коллективном действии и акцентирование исходно случайной природы выигрыша, которые следует

разделить между не имеющими явных социальных связей участниками, резко уменьшают популярность максимина, компенсирующего возможный проигрыш в полезности второму реципиенту, и явно увеличивает популярность эгалитаристского решения (с 3,9% до 13,7%) (табл. 7 и 8).

Таблица 7. **Виньетка 3, распределение ответов в подгруппе для варианта 1**

	Абсолютная частота	%
1-й ответ	2	3,9
2-й ответ	15	29,4
3-й ответ	19	37,3
4-й ответ	11	21,6
5-й ответ	4	7,8
Всего	51	100,0

Таблица 8. **Виньетка 4, распределение ответов в подгруппе для варианта 1**

	Абсолютная частота	%
1-й ответ	7	13,7
2-й ответ	13	25,5
3-й ответ	14	27,5
4-й ответ	13	25,5
5-й ответ	4	7,8
Всего	51	100,0

Таким образом, результаты нашего методического эксперимента в целом подтвердили наши исходные предположения о возможности использования интраиндивидуального (внутрисубъектного) экспериментального плана и вербальных маркеров уровня социальной организации, на котором протекает взаимодействие, при изучении контекстных влияний на восприятие дистрибутивной справедливости.

Вместе с тем, проведённое исследование позволило уточнить некоторые методические требования к дальнейшему использованию описанного подхода к исследованию нормативного обыденного знания (на примере исследований «наивного» восприятия дистрибутивной справедливости). Во-первых, использование плана с повторными измерениями требует применения техники случайного выбора из более широкого набора виньеток, в которых систематически варьируются не только маркеры контекста взаимодействия и способы задания функций полезности (вкусы, потребности, убеждения), но и эквивалентные с точки зрения формальных распределительных механизмов наборы соответствующих числовых значений. Во-вторых, использование фор-

мата аудиторного опроса следует ограничить ситуациями, имеющими формальные признаки тестовых или экзаменационных.

Ключевой вывод нашего методического эксперимента связан с возможностью использования вербальных маркеров контекста взаимодействия в исследованиях факторов, определяющих восприятие дистрибутивной справедливости. Полученные нами результаты также демонстрируют неравную эффективность различных вербальных признаков контекста социального взаимодействия, что позволяет сделать вывод о необходимости дальнейших методических экспериментов, позволяющих ранжировать предполагаемую «силу» воздействия различных вербальных маркеров.

Наконец, полученные в Эксперименте 1 результаты позволили предположить, что наряду с признаками институционального контекста социального взаимодействия на предпочтения наших испытуемых могли оказывать влияние межкультурные различия. В частности, в случае виньетки 5 (задача о потребностях), для максимина, бывшего наиболее популярным решением в исходном исследовании, доля выбравших его составляла 82%, тогда как в нашем случае — 59,2%. Значительно более популярным, в сравнении с израильской выборкой, в нашей выборке было «эгалитаристское» решение (деление всего набора поровну), не поддерживаемое ни одним из формальных распределительных механизмов. В случае виньетки 6 (задача о вкусах) максимин оказался более популярным, а утилитаристское решение — несколько менее популярным, чем в исследовании Яари и Бар-Хиллель, проведённом на сопоставимой выборке израильских абитуриентов. Однако подтверждение такого влияния (либо подтверждение альтернативного объяснения, связывающего наблюдаемые различия с возможным «эффектом переноса» — методическим артефактом, могущим возникать при многократном повторном предъявлении испытуемому сходных задач) потребовало проведения ещё одного эксперимента, методика и результаты которого описаны ниже.

ОБЫДЕННОЕ ЗНАНИЕ О ДИСТРИБУТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ЭКСПЕРИМЕНТ 2

К числу методических особенностей исходного эксперимента Яари и Бар-Хиллель, помимо остроумного использования задач, для которых известные механизмы распределения дают идентичные решения (к ним добавлялось в качестве возможной альтернативы ответа решение, предполагающее простое деление пополам), следует отнести

использование межсубъектного (межгруппового) плана. Однако использованный ими экспериментальный план не позволял сделать вывод о том, какая доля изменчивости в предпочтении тех или иных вариантов раздела благ в задаче была связана не с контролировавшимися в эксперименте способами задания индивидуальных функций полезности гипотетических получателей благ (через вкусы, потребности или убеждения реципиентов), а с индивидуальными особенностями испытуемых, осуществлявших выбор конкретного решения для каждой из задач (напомним, каждая подгруппа опрошенных решала лишь одну задачу).

Результаты описанного выше пилотного методического эксперимента в целом подтвердили наши предположения о возможности использования интраиндивидуального (внутрисубъектного) экспериментального плана и вербальных маркеров уровня социальной организации, на котором протекает взаимодействие. Однако в ходе анализа были получены важные данные о различиях в ответах наших и прежде участвовавших в аналогичном эксперименте израильских испытуемых на исходные задачи-виньетки Яари и Бар-Хиллеля, задававшие индивидуальные функции полезности гипотетических получателей благ как различия во вкусах или предпочтениях. Сходный, однако, не достигавший порога статистической значимости, паттерн ответов наблюдался и в новых задачах-виньетках, содержащих «сильные» признаки микро- или макроконтекстов взаимодействия.

Мы предположили, что наблюдавшееся в Эксперименте 1 расхождение, возможно, требуют содержательной интерпретации с точки зрения межкультурных различий, однако обоснованность такой интерпретации нуждается в дальнейшем исследовании с использованием более многочисленной выборки участников, поскольку из-за наличия межгруппового фактора в плане число испытуемых, получивших указанные задачи, было недостаточным для статистически корректных выводов.

Результаты и выводы, связанные в том числе с возможностью появления методического артефакта — эффекта «переноса», потребовали от нас проведения дополнительного Эксперимента 2, который должен был решить следующие задачи:

1) проконтролировать эффекты метода, в частности возможное влияние различий в использованном нами ранее внутрисубъектном плане и использованном Яари и Бар-Хиллель межсубъектном (межгрупповом) плане;

2) в случае наличия эффектов метода оценить величину гипотетического «эффекта переноса»;

либо

3) в случае отсутствия значимых различий, вызванных «методными» эффектами, найти новые подтверждения высказанной нами гипотезы о межкультурных различиях в обыденном восприятии дистрибутивной справедливости для задач, использовавшихся ранее в исследовании наших предшественников.

Соответственно, основная методическая гипотеза данного эксперимента предполагала отсутствие значимых различий между результатами использования внутрисубъектного и межсубъектного планов для основного экспериментального фактора «Тип задачи».

Основная теоретическая гипотеза заключалась в том, что обнаруженные различия в ответах могут быть интерпретированы как содержательные (а не вызванные особенностями методики) и, возможно, культурно-специфические.

Участники и процедура

Участниками нашего дополнительного эксперимента стал 71 студент (58 женщин, 13 мужчин в возрасте от 19 до 26 лет), в том числе 41 человек из числа участников Зимней школы для поступающих в магистратуру и 30 студентов факультета социологии ГУ ВШЭ (исследование проводилось зимой–весной 2010 г.).

Процедура. Наши участники получали примерно по 5–7 минут на решение одной задачи, как и в исследовании наших предшественников. Инструкция: «Перед Вами задача, описывающая житейскую ситуацию раздела благ. Мы просим Вас выбрать то единственное решение задачи, которое лично Вы считаете справедливым».

Экспериментальный план: межсубъектный (межгрупповой) план с одним фактором: «Тип задачи (Способ задания индивидуальной функции полезности)», имевшим два уровня: (1) вкусы потенциальных реципиентов благ, между которыми нужно было осуществить делёж («Задача о вкусах») и (2) потребности потенциальных реципиентов («Задача о потребностях»). К каждой из задач прилагался идентичный набор решений, основанных на различных распределительных механизмах на основании индивидуальных функций полезности, с точки зрения которых все задачи были формально идентичны (набор решений описан выше). Каждый участник получал, в квазислучайном порядке, как и в исходном исследовании Яари и Бар-Хиллеля, только одну задачу из двух. Эксперимент 2, как и Эксперимент 1, проводился в формате аудиторного опроса, однако на этот раз были приняты дополнительные

меры, практически исключавшие коммуникацию между испытуемыми (использование специального порядка рассадки в аудитории и более строгий контроль со стороны экспериментаторов).

Материалы

Нами использовались виньетки-задачи: (1) «Задача о вкусах» (виньетка 6 из Эксперимента 1) и (2) «Задача о потребностях» (виньетка 5 из Эксперимента 1), описанные ранее. Варианты ответа были теми же и располагались в том же порядке, что и в Эксперименте 1.

Результаты и обсуждение

В целом, полученные нами в данном эксперименте результаты обнаружили паттерн ответов (табл. 9 и 10 и рис. 2 и 3), в целом сходный с полученным в предыдущем эксперименте.

Таблица 9. «Задача о вкусах», распределение ответов для Экспериментов 1 и 2

Варианты ответов	Эксперимент 1		Эксперимент 2	
	Абсолютная частота	%	Абсолютная частота	%
1-й ответ (6–6; 6–6)	5	10,2	0	0
2-й ответ (12–0; 0–12)	12	24,5	8	23,5
3-й ответ (8–0; 4–12)	23	46,9	17	50
4-й ответ (9–0; 3–12)	7	14,3	7	20,6
5-й ответ (6–0; 6–12)	2	4,1	2	5,9
Всего	49	100,0	34	100

Таблица 10. «Задача о потребностях», распределение ответов для Экспериментов 1 и 2

Варианты ответов	Эксперимент 1		Эксперимент 2	
	Абсолютная частота	%	Абсолютная частота	%
1-й ответ (6–6; 6–6)	8	16,3	7	18,9
2-й ответ (12–0; 0–12)	3	6,1	1	2,7
3-й ответ (8–0; 4–12)	29	59,2	20	54,1
4-й ответ (9–0; 3–12)	5	10,2	7	18,9
5-й ответ (6–0; 6–12)	4	8,2	2	5,4
Всего	49	100,0	37	100,0

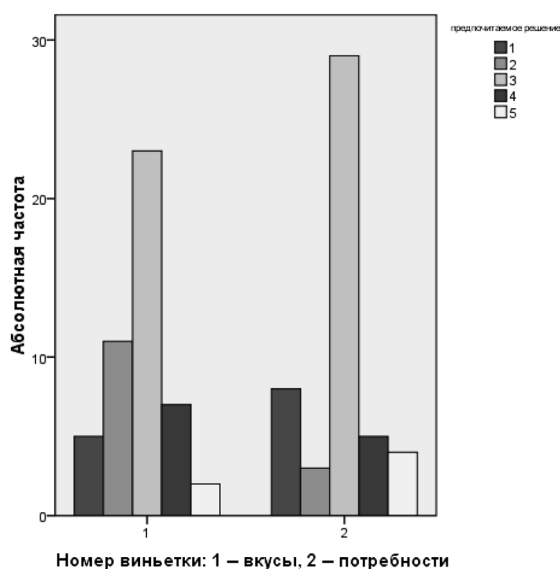

Рис. 2. Результаты Эксперимента 1
(внутрисубъектный план для фактора «тип задачи»)

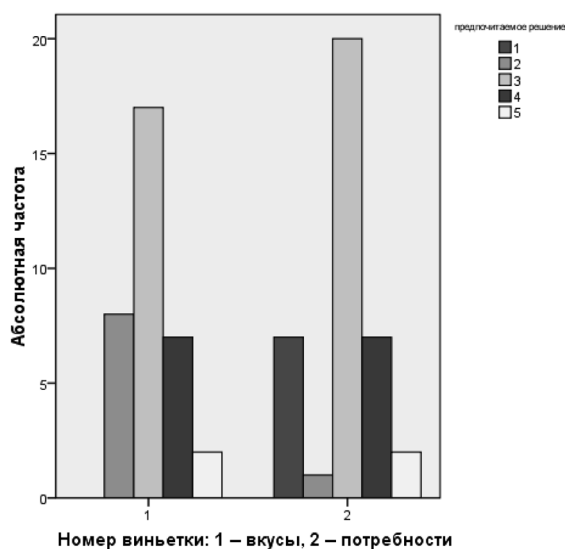

Рис. 3. Результаты Эксперимента 2
(межсубъектный план для фактора «тип задачи»)

Проверка *методической гипотезы* об отсутствии значимых различий между результатами при использовании внутрисубъектного и межсубъектного экспериментальных планов (для фактора «Тип задачи») позволила сделать вывод об отсутствии значимого эффекта метода предъявления. При сравнении предпочитаемых вариантов ответов, выбранных для одной и той же задачи в Эксперименте 1 и Эксперименте 2, значения хи-квадрат оказались не важны для двух типов использованных виньеток (0,720 для четырёх степеней свободы в случае «Задачи о вкусах» и 0,390 для «Задачи о потребностях»).

Поскольку различия, вызванные гипотетическими эффектами метода, незначимы, это позволило нам поставить вопрос о субстантивном характере различий в ответах наших респондентов и испытуемых Яари и Бар-Хиллель⁷.

Напомним, что различия в ответах на два типа задач («вкусы» и «потребности») в Эксперименте 1 были достаточно выражены, однако из-за сравнительно небольшого размера подвыборки испытуемых, получивших исходные задачи Яари и Бар-Хиллель, не достигали уровня статистической значимости (значение хи-квадрат составило 0,062 при неприемлемой доле ячеек таблицы сопряжённости, содержащих малое количество наблюдений).

В Эксперименте 2 различия в предпочтении ответов в зависимости от типа задачи (т. е. от способа задания индивидуальных функций полезности — посредством «вкусов» или «потребностей») оказались значимы на уровне $p < 0,05$. Благодаря тому, что мы смогли отвергнуть предположение о влиянии на результаты наших экспериментов типа исследовательского плана, у нас появилась возможность объединить в общий пул данные двух экспериментов. Результаты для общего пула испытуемых, отвечавших на описанные выше две задачи, представлены на рис. 4. Различия между предпочитаемыми решениями двух вариантов задачи, отличавшихся лишь способами задания функции полезности, для объединённых данных оказались также значимы ($p < 0,01$). Таким образом, мы смогли воспроизвести главный результат исследования Яари и Бар-Хиллель: идентичные с точки зрения формальной модели и набора решений задачи решаются по-разному, в зависимости

⁷ Отметим, что наши выборки могли иметь примерно сходную возрастную структуру и уровень образования. Вступительные экзамены в израильский университет писали абитуриенты, как минимум закончившие школу, преимущественно в возрасте от 18 до 23 лет, и, в более чем половине случаев, отслужившие в армии. Для нашей выборки модальный возраст составил 20 лет. Многие результаты наших предшественников были также воспроизведены ими на небольшой выборке профессиональных экономистов.

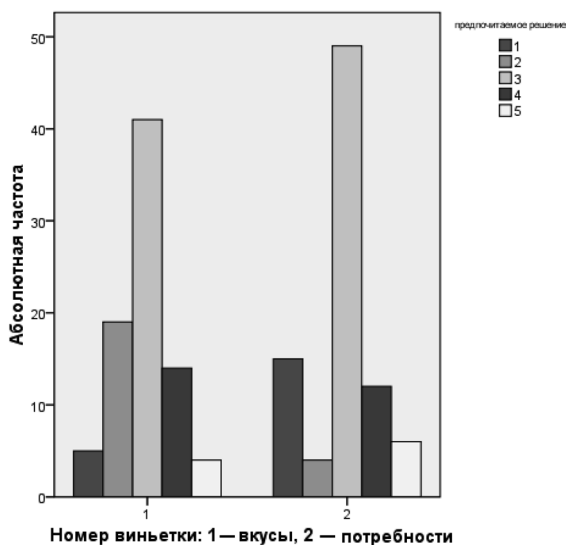

Рис. 4. Агрегированные данные о предпочитаемых решениях для двух типов задач (Эксперименты 1 и 2)

от контекста, в котором они задаются: через описание различий в потребностях воображаемых получателей подлежащих разделу благ либо через различия в их вкусах.

Но действительно ли существуют различия в предпочитаемых решениях каждого типа задач для российской и израильской выборок? Особенности агрегирования данных нашего исследования и исследования Яари и Бар-Хиллель делают не вполне корректным прямое статистическое сравнение (возможные ошибки округления и различия в способах объединения данных для двух формулировок инструкции, использовавшихся Яари и Бар-Хиллель, и для наших двух экспериментов), однако различия в предпочитаемых решениях маргинально значимы в случае «Задачи о вкусах» ($\chi^2=9,40$, $p=0,052$) и несомненно значимы в случае «Задачи о потребностях» ($\chi^2=24,3$, $p>0,001$).

Таблицы 11 и 12 позволяют увидеть, что ключевые различия, отмеченные нами для первого эксперимента, сохраняются и для объединённых данных по двум экспериментам. Для виньетки «Задача о потребностях» максимум остаётся модальным, однако значительно менее популярным, чем для израильской выборки решением (57% против 82%). Однако заметно более популярным, в сравнении

**Таблица 11. «Задача о потребностях»,
предпочитаемое решение для российской и израильской выборок, %**

Ответы	Российская выборка	Израильская выборка
(6–6; 6–6)	17,4	8
(12–0; 0–12)	4,7	2
(8–0; 4–12)	57,0	82
(9–0; 3–12)	14,0	8
(6–0; 6–12)	7,0	0
Всего	100,0 (N=86)	100,0 (N=163)

**Таблица 12. «Задача о вкусах»,
предпочитаемое решение для российской и израильской выборок, %**

Ответы	Российская выборка	Израильская выборка
(6–6; 6–6)	6,0	9
(12–0; 0–12)	24,1	35
(8–0; 4–12)	48,2	28
(9–0; 3–12)	16,9	24
(6–0; 6–12)	4,8	4
Всего	100,0 (N=83)	100,0 (N=122)

с израильской выборкой, оказывается «эгалитаристское» решение, не поддерживаемое ни одним из формальных механизмов распределения (17,4 против 8%). Не получившее поддержки в исследовании наших предшественников решение, основанное на торге на сильном Парето-множестве (предлагаемое двумя механизмами) и соответствующее ситуации торга, ограниченного только теми областями, где существует подлинный конфликт интересов и, соответственно, предполагающего, что при невозможности достичь согласия каждый агент получает лишь ту часть набора, которая бесполезна для второго агента, получило поддержку 7% участников эксперимента. Более популярным в нашей выборке (14% против 8%) оказалось и решение, предлагаемое механизмом торга (аукциона) с исходно равным делением и равновесием по Нэшу (либо в модификации Райфы–Калаи–Смородинского), когда не пришедшие к соглашению стороны возвращаются к исходному делению набора благ пополам. Дальнейшие исследования помогут прояснить вопрос о сознательном, выбираемом с помощью бессознательного механизма оценки справедливости либо собственно случайном характере выбора этих альтернатив ответа.

Для задачи, сформулированной в терминах вкусов, в совокупных данных также сохранились ранее выявленные в Эксперименте 1 различия в поддержке утилитаристского механизма, максимизирующего совокупную полезность. Утилитаризм был модальным решением в израильской выборке (35%), тогда как в российской выборке наблюдался заметно меньший уровень его поддержки (24,1%). А вот максимин, «компенсирующий» Павлу его недостаточную (в сравнении с Александром) любовь к плодам, оказался неожиданно популярным в российской выборке — 48,2% против 28%.

Итак, наша теоретическая гипотеза о содержательной природе различий в представлениях двух выборок о том, чего требуют нормы дистрибутивной справедливости в контекстах, задаваемых различиями во вкусах и потребностях, подтвердилась и для совокупного пула данных двух экспериментов. Являются ли обнаруженные различия в обыденных суждениях о справедливом распределении результатом различия глобальных «культур», или они детерминированы вполне локальными культурными особенностями формального и неформального образования (в том числе в области «народной аксиологии»), полученного участниками описанных экспериментов, — это вопрос, на который позволяют ответить дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Девятко И.Ф.* О теоретических моделях, объясняющих восприятие справедливости на микро-, мезо- и макроуровнях социальной реальности // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2009. № 29. С. 10–29.
2. *Девятко И.Ф.* От теорий социетальной эволюции к анализу глобального общества: альтернативные интерпретации и перспективы синтеза // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 6. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 82–110.
3. *Yaari, M.; Bar-Hillel, M.* On dividing justly // Social Choice and Welfare. 1984. Vol. 1. N 1, pp. 1–24.